

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

В.А. Черкасов
V.A. Cherkasov

**РОЗАНОВ Ю.В. А.М. РЕМИЗОВ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА:
МОНОГРАФИЯ / Ю.В. РОЗАНОВ;
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ;
ВОЛОГ. ГОС. ПЕД. УН-Т. ВОЛОГДА: ВГПУ, 2011. 266 С.**

**ROZANOV YU.V. A.M. REMIZOV AND THE NATIONAL
CULTURE:
A MONOGRAPH / YU.V. ROZANOV;
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE (RUSSIA),
VOLOGDA STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2011. 266 P.**

Монография Ю.В. Розанова вносит уникальный вклад в изучение жизни и творчества А.М. Ремизова (1877–1957), поскольку в ней фольклорно-мифологический дискурс писателя впервые рассматривается как целостное явление. Во-первых, выявляются генетические и контекстуальные связи этого дискурса с типологически родственными литературными произведениями русских писателей-модернистов, а также с научными трудами отечественных этнографов, фольклористов, литературоведов. Во-вторых, в рамках самой по себе уже уникальной источниковедческой методологии проводится тщательный микроанализ новаторской поэтики основных произведений Ремизова, написанных на фольклорном материале («Посолонь» (1906), «К Морю-Океану» (1910) и др.). В-третьих, на основе данного микроанализа реконструируются магистральные сюжеты житнетворческого текста писателя; выявляется автобиографи-

ческий подтекст указанных художественных произведений, созданных в лучших традициях «герметической» литературы русского модернизма.

К вышесказанному следует добавить, что, в совершенстве владея трудным искусством «медленного чтения», скрупулезно сличая филигранную работу Ремизова, то есть его фольклорные тексты, с их многочисленными источниками, Ю.В. Розанов корректирует не подтверждаемые документально суждения о фольклорно-мифологическом дискурсе писателя в трудах таких видных современных литературоведов, как Н.Л. Блищ (с. 44)¹, В.Н. Топоров (с. 62), С.Н. Доценко (с. 93), Х. Баран (с. 75), З.Г. Минц (с. 236).

На наш взгляд, в монографии Ю.В. Розанова самого пристального внимания заслуживает предельно четко прорисованная исследователем концепция личности Ремизова как писателя-ученого, автора

¹ Здесь и далее приводятся в скобках указания на страницы рецензируемой монографии.

«мифологических рассказов <...>, которые должны восприниматься не как вольные фантазии на фольклорные темы, а как научно обоснованные поэтические реконструкции забытых мифологических персонажей» (с. 263).

Согласно аргументированному мнению исследователя, раннее творчество Ремизова указывает на живой интерес писателя к народному творчеству и культуре, который, однако, не был подкреплён адекватными знаниями из области фольклористики и этнографии. В этой связи Ю.В. Розанов обнажает «невязку» между действиями ремизовского героя из рассказа «Иван Купал» (1903), который гадал в купальскую ночь на брошенном в воду венке, и аутентичным мантическим обрядом (с. 237–238); в первоначальном варианте рассказа Ремизова «Жертва» (1909) отмечает некорректный мотив выдачи героини замуж на Святки (с. 245) как характерный для опосредованного, «книжного», знания писателя о фольклоре и народной культуре в целом.

Однако в дискурсе «Посолони», по мнению исследователя, Ремизов достиг гармонического сочетания писательского мастерства и незаурядных этнографических знаний, которые приобрел самостоятельным изучением классических трудов Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского и др., регулярным чтением специальных научных журналов «Этнографическое обозрение», «Живая старина» и др. Сам писатель акцентировал свои научные установки в «Посолони», снабдив основной текст книги примечаниями с указанием использованных источников. О весьма высокой степени осведомленности Ремизова в современной ему фольклористической проблематике свидетельствует хотя бы увиденный им (и отмеченный Ю.В. Розановым) «латентно присутствующий <...> мотив «жених-мертвец» (с. 94) в русской «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке», реализованный в «посолонной»

сказке «Ночь темная». Таким образом, как следует из анализа Ю.В. Розанова, писатель сделал примечательное научное открытие в рамках своего художественного фольклорно-мифологического дискурса и в русле господствовавшей в его время теории мифологической школы, возводившей генезис южнославянских и немецких фольклорных сюжетов о мертвом женихе к древнегреческому мифу о Протесилае и Лаодамии.

Научные установки Ремизова достигают своего предела в работе над книгой «К Морю-Океану», которую, как утверждает Ю.В. Розанов, «следует рассматривать <...> как попытку создать сводный текст по народной демонологии, своего рода новые «Поэтические воззрения славян на природу», собственно поэтическим компонентом которых должен стать современный символизм» (с. 124). Исследователь аргументирует свое положение «большим числом мифологических персонажей, представленных писателем» (с. 124); его методологической установкой на продекларированную в трудах мифологической школы реконструкцию славянской языческой мифологии из ее «остатков», то есть из традиционного фольклора, обрядов и суеверий; наконец, введением в книгу примечаний. В монографии акцентируются научные аспекты фольклорно-мифологического дискурса «К Морю-Океану»: миниатюра «Мара-Марена» характеризуется как «яркий пример мифотворчества писателя в направлении, заданном научным исследованием мифологической школы» (с. 185); упоминание Ремизовым в примечаниях имени его знакомой, предоставившей ему материалы для работы, отмечается как продиктованное правилами научной этики (с. 140).

Реконструируя работу Ремизова с научными и фольклорными источниками, Ю.В. Розанов демонстрирует принципы и приемы, которыми тот руководствовался при выстраивании собственной концепции того или иного мифологического персонажа. По наблюдению исследователя, образ

Нежита, главного героя одноименной новеллы, предпочел создать на основе редкого слова *нежит(ь)*, лишь однажды упомянутого в книге Ф.И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (СПб., 1861), и руководствуясь данным здесь же общим определением слова как «художественного образа», хотя, казалось бы, писателю проще было последовать за А.Н. Афанасьевым, который в своих «Поэтических воззрениях славян на природу» сообщил гораздо больше информации об этом существе. В данном случае Ремизову важно было подчеркнуть продуктивную, с его точки зрения, методику реконструирования «забытых» мифологических персонажей из дошедших из глубины веков редких и непонятных слов, которая вытекает из упомянутого буслаевского определения слова. Как показано в монографии, в новелле «Коловертыш» Ремизов сознательно модернизирует как образ главного героя, «психологизировав» его вопреки фольклорной традиции, так и сказочно-мифологическое пространство, подчеркнув мотивы старения, обветшалости содержащихся в нем вещей, чтобы выразить свою сокровенную идею «ухода в вечность старой Руси» (с. 182). В этой же новелле писатель, по образному выражению Ю.В. Розанова, «как бы перекидывает мостик от народной мифологии к мифологии личной» (с. 183), возведя генезис коловертыша к собаке Шумке, принадлежавшей его другу художнику Б.М. Кустодиеву. Следует подчеркнуть, что в отличие от раннего неудачного опыта обращения Ремизова к фольклорным и этнографическим источникам в рассказе «Иван Купал», в данном случае мы имеем дело не с ошибками новичка, обусловленными банальной неосведомленностью в материале, а с новаторским по своей природе творческим дискурсом «живого классика» «неомифологического» крыла в литературе русского модернизма, который одинаково свободно чувствовал себя как в области новейших этнографических и фольклористических достижений, так и ак-

туальных литературных и культурных исканий своего времени.

Таким образом, как выясняется из книги Ю.В. Розанова, фольклорно-мифологическое творчество Ремизова представляет собой один из самых ярких примеров взаимодействия научных и литературных жанров, которое было характерно для русского модернизма в целом, и, как таковое, стоит в одном ряду с творчеством А. Белого, В.Я. Брюсова, В. Хлебникова, В.Ф. Ходасевича, В.В. Набокова и др. Это взаимодействие оказалось эволюционно продуктивным не только для русской литературы, но и для литературоведения, методологический уровень которого достиг качественно иного измерения.

Недостатком монографии является не совсем полная представленность ремизовианы Русского Зарубежья. Автор ссылается на книги и журналы, однако не учитывает более репрезентативную для эмигрантской литературной ситуации газетную критику.

Данное замечание никак не нарушает весьма благоприятного впечатления от рецензируемой книги как от фундаментального, новаторского по своим методологическим установкам труда. Являясь одним из самых глубоких современных литературоведов, сочетающих в своих исследованиях методы смежных гуманитарных дисциплин, Ю.В. Розанов открывает новые перспективы в теоретико- и историко-литературном осмыслении научно-художественного дискурса в культуре русского модернизма.